

Мартынъ Лукичъ, дойдя до извѣстнаго градуса опьянѣнія, больше уже не хмѣлѣлъ. Болтовня его принимала все больше и больше задорный характеръ, гдѣ зять служилъ ему только мишенью: и изъ-за него онъ притягивалъ къ отвѣту и все, что, по его мнѣнію, „Петрушкина комедія“. Рынинъ тутъ только rozpoзналъ, какъ его полоумный тестъ презираетъ всякое „модничанье“ и „ерыганство“, насчетъ высшей политики, тотъ именно строй идей, домогательствъ и плановъ, какому онъ—Парменій Никитичъ—начиналъ теперь служить сознательно и преднамѣренно.

— И либералишки, блудословы, — хрипѣлъ Ногайцевъ за десертномъ, — и вотъ эти спасители отечества, — онъ тыкалъ пальцемъ туда, гдѣ сидѣлъ Рынинъ, — трехпрогонные!.. Только тотъ, настоящий-то трехпрогонный, — „человѣкъ съ перомъ“ захохоталъ, понявъ сейчасъ намекъ, — былъ ужъ какъ есть заплечныхъ дѣлъ мастеръ; а эти, нынѣшніе-то, все въ Биконсфильды лѣзутъ да въ Бисмарки! На все у нихъ свое воззрѣніе. Вотъ и Москву они намъ особенную сочиняютъ.. Полковникъ уже побывалъ у своихъ набольшихъ... какъ же... ѣздилъ представляться... Съ регаліями, и Такову второй степени надѣлъ, и черногорскаго... какъ, бишь?.. Ну, да шутъ съ ними!.. А потомъ со Страстнаго, тѣмъ же аллюромъ, и на Спиридоновку... Сочинили Москву—совсѣмъ не ту, не нашу... Вотъ Москва! — закричалъ онъ и всталъ. — Мы вамъ, полковникъ, покажемъ... что такое настоящая Москва. Ицки явились?.. — вдругъ спросилъ онъ у главнаго лакея.

— Музыканты?

— Да.

— Внизу-съ...

— Пригласи сюда!

Пришелъ цѣлый оркестръ, человѣкъ около пятнадцати музыкантовъ евреевъ. Ногайцевъ приказывалъ что играть, потомъ выхватилъ у перваго скрипача смычокъ и сталъ самъ дирижировать. Оркестръ смѣнилъ хоръ казацкихъ трубачей. Рынинъ начиналъ уже сомнѣваться въ томъ, сохранить ли онъ свою выдержку; въ головѣ его сильно затуманилось; презрительная злобность противъ тестя переходила въ болѣе животненныя проявленія его натуры; ему захотѣлось самому чего-нибудь буйнаго, безстыднаго... такого, гдѣ бы можно было, гдѣ бы стоило выказать свою силу, дерзость...

Ногайцевъ заставилъ дирижера казацкаго хора изъ нѣмцевъ взять корнетъ-à-пистонъ и играть марсельезу; кто-то аккомпанировалъ на фортепьяно. Всѣ начали пѣть; за ними и Рынинъ.

— Га, га!.. — загоготалъ Ногайцевъ: — вотъ это чудесно!..